

Типы редукции пропозиции, выраженной причастным оборотом

© кандидат филологических наук С. Х. Захраи (Иран), 1998

В данной статье рассматриваются закономерности выражения пропозиции причастным оборотом как компонентом осложненного русского предложения. Под причастным оборотом понимается функциональное единство причастия, употребленного не в позиции грамматического предиката предложения, и зависимых от него распространителей — носителей актантной и сирконстантной семантики, например: *Рассказ Аннушки о вылетающих из окна дома на Садовой людях и о подковке, которую Аннушка, по её словам, подняла для того, чтобы предъявить в милицию, был выслушан внимательно* (М. А. Булгаков); *Шпионство у нас – не служба, а форма существования, внушенная в детстве, и не людьми, а воздухом империи* (Б. Окуджава).

Вслед за Ч. Филлмором будем понимать пропозицию как вневременной набор отношений между глаголами и именами, отделенный от модального конституента предложения [Филлмор 1981]. Пропозиция представляет собой семантический комплекс, состоящий из глагольного ядра и его именных “спутников”, или аргументов, охарактеризованных по их семантической роли относительно предиката, или, в терминологии Ч. Филлмора, по глубинному падежу [Арутюнова 1972: 30]. Согласно В. А. Белошапковой, «пропозиция понимается как модель называемого предложением «положения дел», как объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных значений и от тех особенностей, какие придает ему та или иная формальная организация предложения» [Современный русский язык 1989: 686].

Как отмечает Т. В. Шмелева, кроме глагольной репрезентации пропозиции имеются и иные, которые считаются вторичными, как результат трансформации глагольной ее смысловыми эквивалентами, «так как все другие репрезентации будут отличаться от глагольной отсутствием способности актуализировать свое содержание. Вторичность всех других репрезентаций проявляется и в том, что они входят в предложение наряду с глагольной, подчиняясь ей, способствуя формированию слож-

ного смысла, но не изменяя структурного типа предложения — его предикативной основы» [Шмелева 1980: 133].

Цель нашей работы заключается в установлении объективных критериев разграничения свернутой и несвернутой пропозиции, в изучении тех признаков причастного оборота, в которых конкретно выражается “свернутость” выражаемой им пропозиции.

Причастные обороты отмечаются в большинстве языков мира, при этом по грамматическим свойствам в различных языках они могут существенно отличаться. Ср., с одной стороны, причастия (и, соответственно, причастные обороты) славянских и тюркских языков [Изотов 1991; Изимбергенова 1977], а с другой — близкие к инфинитиву причастия в алтайских языках [Черемисина и др. 1984]. Однако существуют языки, в которых отсутствует причастия как особые грамматические формы. Например, в персидском языке не существует глагольной формы, адекватной русским причастиям. Поэтому для того, чтобы, например, передать значение русского причастия настоящего времени, в персидском языке используются чаще всего придаточные определительные предложения, конструкции с качественными прилагательными и именами существительными агентивной семантики и т. д. [Овчинникова 1965]. Наличие языков, не располагающих системой причастий, делает проблему причастного оборота особенно актуальной (причем не только в теоретическом плане, но и с точки зрения преподавания русского языка как иностранного).

Русское причастие как одна из наиболее сложных и противоречивых грамматических форм глагола является традиционным объектом лингвистического анализа. Среди языковедов нет единого мнения о семантико-грамматической природе причастия. Сложность и противоречивость причастия, как вытекает из литературы, посвящённой данной теме, определяется двойственностью (по В. В. Виноградову — “гибридностью”) природы причастий, объединяющих грамматические свойства глагола и имени [Виноградов 1972: 221].

В трудах различных лингвистов разрабатываются разные направления изучения причастия и причастного оборота. Ученых продолжали интересовать морфологические проблемы причастия, например его видовая характеристика [Одинцова 1985]; зависимость употребления причастия в той или иной функции от принадлежности глагола, от которого оно образовано, к определённому лексико-семантическому разряду [Вострецова 1990].

Однако в большинстве работ причастие рассматривается в синтаксическом плане (прежде всего в работах А. А. Камыниной и ее учеников). Можно выделить несколько походов к изучению синтаксических свойств русских причастий: анализ синонимического употребления действительных и страдательных причастий в русском языке [Монина 1984], а также синонимии причастий и деепричастий [Фокина 1982]; описание — прежде всего с точки зрения полупредикативности — препозитивного и постпозитивного употребления причастий [Камынина 1984], семантики и функционирования обособленных и необособленных причастных оборотов [Урысон 1987]; рассмотрение семантико-синтаксических функций действительных причастий в высказывании (в коммуникативном аспекте); анализ временной характеристики причастия в функциональном плане, на фоне системы синтаксических значений, выражаемых в предложении-высказывании [Лисина 1987].

Одним из важных направлений изучения причастного оборота является рассмотрение его как знака пропозиции. Причастные обороты с позиций семантического синтаксиса давно уже интерпретируются как “свернутые предложения”, как формы выражения дополнительной пропозитивной информации в данном предложении [Шмелева 1988]. Была детально изучена пропозитивная характеристика атрибутивной формы и природа проявления её глагольности и пропозитивности в русских осложнённых предложениях [Иванова 1985]. В плане описания семантико-синтаксической структуры причастных страдательных оборотов была рассмотрена характеристика причастных конструкций в зависимости от семантики глагола и его актантного окружения. В связи с этим было выявлено, что: а) семантическая природа актантов влияет на структуру субстантивной группы; б) замещение позиции семантического субъекта в страдательных конструкциях факультативно; в) существуют определенные закономерности соотношения причастных оборотов с соответствующими действительными и страдательными конструкциями [До Вьет Хунг 1992].

Указанные выше направления исследования вносят бесспорный вклад в изучение проблемы пропозитивности причастного оборота. Однако, как мы полагаем, далеко не все аспекты этой проблемы до сих пор изучены. Не до конца ясным остается вопрос о семантическом соотношении свернутой и несвернутой пропозиции, о формальных признаках конструкций, выражающих свернутую пропозицию (в сравнении с предикативной конструкцией — знаком несвернутой, или основной

пропозиции, выражаемой в данном предложении). Именно поэтому возникает необходимость дальнейшего изучения пропозитивной природы причастного оборота (см. подробнее: [Захраи 1996]).

Структура пропозиции формируется из трёх типов основных составляющих элементов: предикат, актанты и сирконстанты (обстоятельственные аргументы) [Шмелева 1988: 10]. Мы будем исходить из положения, что сирконстанты (локатив, директив и др.), как и актанты, могут быть обязательными распространителями предиката, т. е. входить в структуру пропозиции, например при выражении пропозиции движения / перемещения (*выбежать из школы, переправить книги из магазина в библиотеку*).

При описании и классификации пропозиции важным оказывается рассмотрение семантической природы предиката; см. различные классификации семантических предикатов, предложенные в работах [Богданов 1977; Семантические типы предикатов 1982; Золотова 1982; Клобуков 1986б; Шмелева 1988 и др.]. Предикат как существенный и центральный элемент пропозиции выражает процессуальный или непроцессуальный признак предмета или же отношение между актантами-участниками «положения дел» [Современный русский язык 1989: 686].

Мы присоединяемся к мнению ученых, связывающих проблему свертывания пропозиции (в том числе и в виде причастного оборота) со спецификой глагольного признака, выражаемого причастием. Известно, что семантическое представление любого сообщения составляет упорядоченную систему пропозиций. Исходя из механизма приоритетных стратегий языка и в зависимости от полноты или эксплицитности реализации и степени их эксплицитности, М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрик выявляют следующую иерархию прагматической релевантности средств выражения одной и той же пропозиции: *независимое предложение > придаточное предложение > оборот* (выделено нами. — С.Х.З.) *> копредикатив > определитель > именная группа > служебное слово > грамматическая категория > часть лексического значения слова > 0* [Бергельсон, Кибрик 1981: 344].

Наиболее полно пропозиция выражена в синтаксической единице, являющейся каноническим предложением, которая находится в левой части этой схемы. Из схемы следует, что наш объект изучения — причастный оборот — представляет собой прагматически “неприоритетный” способ выражения пропозиции.

Эта же семантическая проблема с несколько иной точки зрения рассматривается Е. В. Клобуковым, который вводит понятие сигнификативного ранга морфологических единиц. Е. В. Клобуков утверждает, что по отношению к именной и глагольной морфологии можно говорить о наличии таких морфологических категорий, которые предназначены для выражения степени относительной смысловой значимости нескольких однородных смысловых элементов. Как пишет Е. В. Клобуков, “благодаря этим категориям один из однородных смыслов выделяется говорящим как основной, главный, центральный, а другой смысл (или несколько смыслов) — как принадлежность периферии содержания высказывания, его дополнительная, сопутствующая, **комитативная** информационная часть” [Клобуков 1985: 38 — 40].

Противопоставление основной и дополнительной (комитативной) информации находит свое выражение на разных уровнях грамматической системы. В рамках глагольной морфологии Е. В. Клобуковым даётся противопоставление предикативных (личных, спрягаемых, финитных) форм глагола, выражающих основной пропозитивный признак, и атрибутивных форм глагола (причастие, деепричастие), которые по своей природе предназначены для называния дополнительных, включенных предикатов. Ср.: *Внимательно слушающие лектора студенты записывают с доски сложную формулу. — Записывающие с доски сложную формулу студенты внимательно слушают лектора.* В данных примерах предикативной формой глагола выражается основное действие, а формами причастия и деепричастия называются дополнительные, сопутствующие действия.

Таким образом, с прагматической и собственно семантической точки зрения критерием свертывания пропозиции является сам способ выражения ее семантического предиката — в виде неспрягаемой, атрибутивной формы.

Другим критерием свертывания пропозиции является характер реализации сильных валентностей предиката. В данной статье мы будем анализировать падежное окружение причастия именно с указанной точки зрения. Известно, что пропозиции классифицируются в зависимости от семантики предиката и количества и ролей актантов, которые определяются предикатом [Современный русский язык 1989: 686].

Это положение очень важно для наших последующих рассуждений, так как мы, вслед за Е. В. Клобуковым [Клобуков 1986а; ср.: Клобуков, Захраи 1996], связываем проблему редукции (свертывания) пропозиции

с характером заполнения обязательных актантных и сирконстантных позиций при предикате. При характеристике аргументного окружения причастия мы будем учитывать результаты описания русской падежной системы, представленные в исследованиях [Золотова 1988; Клобуков 1986b; Всеволодова 1998].

В данной статье мы рассматриваем только трехпадежные обороты, т. е. обороты, формируемые причастиями, открывающими три обязательные позиции для падежных распространителей.

В результате нами были выявлены три разных типа причастных оборотов с точки зрения степени формальной редукции выраженной ими пропозиции:

Тип I. В него входят обороты, где реализованы все сильные валентности предиката, при этом одна валентность реализована в основном составе предложения (это субъектная валентность действительных оборотов и объектная — для страдательных оборотов), а две остальные валентности заполнены в рамках причастного оборота. При таком положении можно говорить о нулевой степени редукции падежного окружения предиката. Это не означает, что в причастных оборотах такого типа характер заполнения валентностей предиката не оказывает никакого влияния на свертывание пропозиции. Дело в том, что одна из обязательных валентностей подобных причастных оборотов реально материализуется не в рамках оборота, а в составе основной (формально предикативной) части предложения: *Исчезли всяческие мосты...* (субъект), *соединяющие храм* (объект) *со страшной Антониевой башней* (комитативный объект) (М. А. Булгаков).

Причастных оборотов с нулевой степенью редукции пропозиции отмечается примерно 11% от общего количества проанализированных нами трехвалентных оборотов. Ср.: *Фермера Чумака разоряют политици* (субъект), *не отдающие народу* (адресат) *землю* (объект) (Изв. 6 окт. 1995); *На вопрос *Юлий Матвеевич издавал странный грудного тембра неопределенный звук* (объект), *как бы извлеченный из трубы* (инструмент) *неумелым музыкантом* (субъект) <...> (О. Мандельштам); *Зато никаких тёток в голове — только придет подушку поправить княжна Катерина* (объект), *тому* (пропозитивный объект) *бадькой* (субъект) *своим наученная* <...> (В. Пикуль).

Тип II. Он формируется оборотами, где реализованы две сильные валентности предиката из трех возможных. Будем считать, что выра-

женная падежным окружением предиката условная степень редукции пропозиции равняется 33,3%.

Примеров оборотов данного типа в нашей картотеке оказалось больше всего (81%). Например: *Кто-то чуть покрупнее нас поставил в пустыне на желтый камень плетеную корзину* (объект), *набитую* (кем? — не реализована субъектная валентность) *тугой травой* (средство) (А. Битов); *Это следует и из содержания приветственного адреса* (объект) *направленного* (кем? — не реализована субъектная валентность) *Медуну* (адресат) (Изв. 6 окт. 1995); *Россия объявит о своих дальнейших намерениях лишь после заседания* (пропозитивный объект) *Совета безопасности, намеченного* (кем? не реализована субъектная валентность) *на 6 апреля* (темпоратив) (Изв. 1 апр. 1994); *Потому что олдиченная нами* (субъект) *страховка* (объект) *покрывала только две пломбы в течение девяти месяцев* (Там же; не назван адресат оплаты); *Высадив ни о чем* (делибротив) *не спрашивающую Маргариту* (субъект) *возле одного из надгробий вместе с ее щеткой, грач запустил машину, направив ее прямо в овраг за кладбищем* (М. Булгаков; не назван контрагент действия).

Тип III. Он включает обороты, в которых реализована только одна сильная валентность трехвалентного предиката, причем реализуется она, естественно, за пределами причастного оборота (степень редукции: 66,4%). Таких примеров нами обнаружено меньше всего (8% от общего количества изученных трехвалентных причастных оборотов): *В этом случае вкладчики не только не получают обещанных по вкладу процентов* (объект), *но и оставляют банку часть внесенной суммы в виде штрафа* (Изв. 4 окт. 1995; отсутствие семантических актантов субъекта и адресата); *Потом в контору прошел мальчик с табелью, выплатной ведомостью и грудой отобранных с целью взыскания рабочих книжек* (объект) (Б. Пастернак; не выражены субъектный и контрагентивный актанты); *Он знал за собой эту унаследованную черту* (объект) *и с мнительной настороженностью ловил в себе ее признаки* (Б. Пастернак; также опущены падежные формы субъектной и контрагентивной семантики).

Итак, можно выделить три степени редукции падежного окружения трехвалентного причастия.

Вопрос о причинах незаполненности той или иной сильной (т. е. по определению обязательной) валентности причастного предиката требует специального рассмотрения. В одних случаях нереализованный актант

был назван в предыдущем контексте и легко из него восстанавливается, ср.: *Об этом говорится в его письме* (объект) *председателю Госдумы*, [датированном 26 февраля, то есть] *направленном в тот печальный субботний день* (Изв. 5 марта 1994); здесь в рамках оборота не назван ни субъект, ни адресат названного причастием процессуального признака, однако оба актанта однозначно указаны в основной части предложения, поэтому повторное их обозначение избыточно.

В других случаях характер нереализованного актанта устанавливается из общей семантической структуры оборота, поскольку семантика предиката предполагает определенную валентность с вполне определенным лексическим наполнением, ср.: *Ему показалось, что над Ершалаимом засветились десять невиданных по размерам лампад* (субъект), *сгорающих со светом* (контрагенс) *единственной лампы* <...> (М. А. Булгаков); в этом примере редуцирована однозначно задаваемая предикатом валентность основания для сравнения двух названных в предложении семантических актантов (которые в данном контексте могут конкурировать только по силе свечения).

Отметим также один формальный фактор, способствующий редукции того или иного актанта: речь идет о стремлении избежать стечения нескольких одинаковых падежей в рамках одного причастного оборота. Ср.: опущение творительного в субъектном значении при наличии в обороте еще одного творительного в инструментальном значении: *Прежде всего — дубовое кустарное кресло с балалайкой и рукавицей и надписью на дужке: “Тише едешь — дальше будешь” — дань ложно-русскому стилю Александра Третьего; затем турецкий диван* (объект), *набитый грассбухами* (инструмент), *чья листы папиросной бумаги исписаны были мелким готическим почерком немецких коммерческих писем* (О. Мандельштам); <...> *Кстати, после той идиотской дуэли мы расположились с Метлевым в его комнате в покойных креслах* (объект), *обитых голландским ситцем* (инструмент), *пружины в которых уютно и отдаленно позванивали, в комнате, где пять венецианских окон горели под осенним солнцем и на золотом фигурном паркете пылало пять бесшумных костров, в которые были погружены наши ноги* (Б. Окуджава).

Особо остановимся на таких примерах, в которых “пропущенные” в причастном обороте актанты не названы непосредственно в предыдущем контексте и не предполагаются семантикой предиката (см. выше), однако их характер однозначно задается фоновыми знаниями говоряще-

го и слушающего: *2 октября президент Ельцин своим указом трудоустроил последнего из замминистров (объект) обороны, отстраненных (кем?) от должности (объект) в феврале этого года* (Изв. 4 окт. 1995); здесь формально не замещена субъектная валентность, однако экстралингвистические данные свидетельствуют, что отстранить одновременно несколько заместителей “силовых” министров от должности мог только президент страны. Аналогичным является и такой пример: *Он был выше среднего роста, чуть повыше, не широк в плечах, с лицом (объект) [вытянутым несколько], теперь уже украшенным очками (инструмент), из-под которых глядела его недоумевающая душа* (Б. Окуджава) — поскольку “украшать” свое лицо очками может только сам обладатель лица и очков.

Ср. также: *Второй раз за последние месяцы крупные утечки неочищенных стоков (объект) происходят на Котласском ЦБК* (Изв. 17 окт. 1995); позиции субъекта и второго (комитативного) объекта здесь не замещены, так как очевидно из экстралингвистической ситуации, кто и от чего должен по закону очищать стоки промышленных вод.

Интересно, что одинаково редуцированные причастные обороты, образуемые одним и тем же причастием, могут допускать различные интерпретации возможного замещения одной и той же актантной позиции. Ср.:

(1) *И вот уже через секунду, одетый в латаный ливрейный фрак (инструмент), обутый в худые валяные сапоги, с идиотским цилиндром на макушке, Афанасий (объект) распахивал перед маленьким гостем тяжелую дверь и призвано вытягивал руку, и скалился, и притаптывал снег* (Б. Окуджава).

(2) *Императрица (объект) сидела, облокотившись правой рукой о спинку кресла, одетая в серо-синее платье (инструментальный объект), красную накидку (инструмент) с рукавами по локоть* (Б. Окуджава).

В первом примере речь идет о совпадении субъекта основной (*Афанасий распахивал дверь*) и включенной пропозиции (*Афанасий, одетый — т. е. который сам оделся — в латаный ливрейный фрак*), во втором же — о явном несовпадении субъектов двух пропозиций — основной (*Императрица сидела*) и включенной (*Императрица, одетая слугами в серо-синее платье*). Установить принципиальное отличие в соотношении основной и включенной пропозиций в подобных случаях позволяют лишь экстралингвистические данные (в указанных примерах — знания о связи ритуала одевания с положением лица на социальной лестнице).

Мы подробно остановились на роли экстралингвистического фактора потому, что он весьма важен при редукции пропозиции причастным оборотом: так, большинство из примеров реализации в причастном обороте пропозиции физического действия требует для своей правильной интерпретации привлечения именно социально-политических, культурно-исторических, психологических и иных экстралингвистических сведений.

Наконец, нужно отметить, что иногда конкретный характер заполнения той или иной “редуцированной” сильной валентности оказывается неважным с точки зрения говорящего, так как всем содержанием предложения предполагается неопределенный денотативный статус пропущенного имени; ср. нулевую реализацию сильной субъектной валентности в примерах:

Причина — столкновение тепловоза с цистерной (объект), наполненной жидким кислородом (средство) (Комс. правда); Два окна на уровне земли выходили на уголок невзрачного огорода (объект), обсаженного кустами (инструмент) желтой акации, на мерзлые лужи проезжей дороги и на тот конец кладбища, где днем похоронили Марию Николаевну (Б. Пастернак). В обеих описываемых ситуациях несущественно для понимания смысла предложения, кем именно была наполнена цистерна и кто именно обсадил кустами огород.

Нужно сказать, что при реальном функционировании причастных оборотов часто действует целый комплекс факторов редукции падежного окружения причастия. Так, в приводимом ниже примере можно говорить о стремлении избежать формального стечения двух творительных (субъекта и средства) и о заданности характера субъекта суммой фоновых знаний (пассажиры, тем более военные, обычно сами укладывают свой багаж): *Но 17 апреля из транспортного самолета, пролетевшего из Душанбе, вышел вояка с сумкой (объект), набитой травкой (средство) (Комс. правда).*

Таким образом, редукция падежного окружения причастия является одним из эффективных способов свертывания пропозиции. Отсутствие реализации тех или иных сильных валентностей причастия, как было показано выше, обусловлено целым рядом факторов — грамматических, семантических и экстралингвистических. Перспективы дальнейшего изучения свернутых пропозиций, выраженных русскими причастными оборотами, мы связываем с изучением зависимости возможностей редукции пропозиции от семантического типа пропозиции (физическое

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1998. Вып. 3. - 120 с. ISBN 5-7552-01-12-9

действие, социальное действие, интеллектуальное состояние, эмоционально-психическое свойство и т. п); см. подробнее: [Захраи 1996].

Л и т е р а т у р а

- Арутюнова Н. Д.* Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е.* Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4.
- Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
- Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Издание 2. М., 1972.
- Вострецова Г. Ю.* Нераспространённый причастный атрибут в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 1998 (в печати).
- До Вьет Хунг.* Семантико-синтаксическая структура причастных страдательных конструкций в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Захраи С. Х.* Причастный оборот как знак пропозиции: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Иванова О. Е.* Семантика и функции причастного оборота в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М. 1985.
- Изимбергенова С. К.* О синтаксических функциях причастных оборотов в казахском и русском языках. Изв. АН Каз. ССР. Сер. филол. 1977, № 2.
- Изотов А. И.* Система причастных форм в современном чешском литературном языке в сопоставлении с русским (формообразование, семантика, функционирование): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Камынина А. А.* Причастия и прилагательные в роли обособленных определений // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1984, № 1.
- Клобуков Е. В.* Функционально-семантическая типология незамещенных синтаксических позиций и проблемы позиционного анализа русских падежных форм // Проблемы семантики предложения: Выраженный и невыраженный смысл. Тезисы докладов республиканской научной конференции. Красноярск, 1986а.
- Клобуков Е. В.* Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986б.
- Клобуков Е. В.* Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка (Морфологические категории в системе языка и в дискурсе): Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1995.
- Клобуков Е. В., Захраи С. Х.* Грамматическое содержание термина «редукция» и проблема описания качественной и количественной редукции пропозиции // Терминоведение. 1996, № 1-3.
- Лисина Н. М.* Функциональная характеристика действительных причастий в современном русском литературном языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1987.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1998. Вып. 3. - 120 с. ISBN 5-7552-01-12-9

- Монина Т. С.* Структурные основания синонимии действительного и страдательного оборотов в современном русском литературном языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Овчиникова И. К.* Основные русско–персидские грамматические соответствия в области морфологии // Русско–персидский словарь под ред. *Али Асадулаева* и *Л. С. Пейсикова*. М., 1965.
- Одинцова И. В.* Употребление действительных причастий несовершенного вида при подлежащем в зависимости от пропозитивного и временного значения предложения: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Семантические типы предикатов / Под редакцией *О. Н. Селиверстовой*. М., 1982.
- Современный русский язык / Под ред. *Белошапковой В. А.* Изд. 2. М., 1989.
- Урысон Е. В.* Роль обособления в семантической структуре предложения (на материале современного русского языка): Автореферат ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
- Фокина Н. А.* Синонимическое употребление причастий и деепричастий в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М.* и др. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984.
- Шмелева Т. В.* Пропозиция и ее репрезентации в предложении // Проблемы теории и истории русского языка. М., 1980.
- Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис. Красноярск, 1988.